

Сафар Хаблиев

УСЛУГА

Рассказ

— Умар, мне очень неудобно перед тобой, но у меня еще одна просьба к тебе. Перед тем, как набрать номер телефона, Булат долго размышлял: звонить или нет? Но не зря сказано: в трудную минуту даже волк вынужден бывает юлить на хребте перед собакой. Хотя какой с Булата волк, да и Умар, конечно же вовсе не пес, а хороший друг, надежный парень. Ему можно довериться, на него можно положиться: на подлость он не способен, не выдаст тебя, окажет посильную помощь. Чем не хороший товарищ? Честно говоря, когда Умар недавно помог Булату, он намекнул на магарыч — курицу. Его никогда не поймешь в таких случаях — серьезно говорит или шутит. Видимо, пошутил, иначе дался Булату друг через курицу. Товарищи должны бескорыстно помогать друг другу — а из-за курицы или быка — какой с него друг? Умар, наверное, уже и забыл обещание Булата, мол, за курицей дело не станет.

И вон он опять набирает номер телефона:

— Умар, мне очень неудобно перед тобой, но у меня снова проблема...

— Смесишь меня, Булат: проблемы такого стойкого холостяка, как ты, обычно решают разведенки или девицы на выданье. Так что ты не по адресу обратился.

— Тебе шутить охота, а у меня серьезное дело.

— Я тоже вполне серьезно говорю: разведенка или девица, больше никто. Поверь мне.

Умар еще не знает, в чем состоит просьба друга, но заранее настроен разыграть его.

— Смесишь меня! — Булат ответил Умару его же словами. — Дело не такое большое, как тот ковер, но лучше тебя никто его не сделает.

— Куда там! Ты слишком преувеличиваешь мои способности.

— Не скромничай. Я знаю, что говорю: уже имел возможность убедиться в твоих способностях.

Лесть — подлая штука: вряд ли кто устоит против нее.

На самом высоком холме Рима стоял храм одного из особо почитаемых древними римлянами богов — Весты; в храме всегда поддерживался огонь. Почитание осетинского очага, видимо, тоже исходит с того холма, а может, римляне переняли его от наших предков скифов — не нам туг разгадывать этот секрет, оставим его ученым. Если огонь не поддерживать, он рано или поздно погаснет, и чтобы это не произошло, его поддерживали девственницы — весталки. Огонь храма поручали совсем молоденьким — шести-десятилетним девчушкам, и они служили Весте до тридцатилетнего возраста. Весталка обладала таким уважением и почетом, что если она случайно встречалась конвойным, ведущим преступника на казнь, то его тут же отпускали. Весталка до тридцатилетнего возраста соблюдала неременный обет безбрачия. Тех же, кто нарушал обет, живьем закапывали в землю. И все-таки даже

весталок соврашали лестью.

Вот и у Умара в груди не камень вместо сердца: подобрел, повеселел от слов Булата. Как-то раз, еще в прошлом году, Булат оказался в трудном положении, и Умар встретился и помог ему, словно Уастырджи путнику. Говорю «трудное положение», но пусть в более трудном положении ни я, ни друзья мои никогда не окажутся: сестра Булата выходила замуж, и он должен был сделать ей подобающий случаю подарок. Братьев четверо, занимают видные места, вот люди и смотрят: интересно, кто из них какой подарок сделает своей единственной сестре? По подсказке жен одни из них купили кольца, другие серьги, а вот Булату некому подсказать, и он вынужден решать проблему сам. Что купить? Как поступить в этой ситуации? Спрашивал родственников, друзей, и все в один голос твердят: кольцо, серьги — будто сговорились между собой. Но когда выяснилось, что серьги и кольца уже куплены, то опять же в один голос посоветовали ковер — долговечную памятную вещь, украшение дома, даже внукам он послужит.

Ковер. Легко сказать, но попробуй найти его в продаже. Если бы продавали где-нибудь свободно, купил бы сперва себе, повесить над кроватью, и не терся бы всю ночь головой о голую стену.

Как бы там ни было, но ковер надо найти. Булат обошел несколько магазинов. В одних вообще нет ковров, а там, где они имеются, продавщицы отвечают:

— О чем ты говоришь! Если бы ковер так легко было купить, то вместо того, чтобы держать его в магазине, я бы первая повесила его у себя. Не знаешь, что люди годами стоят в очереди за коврами? Так-то, дорогой. На заводах, где работают сотни и тысячи людей, составляют списки передовиков производства и ударников коммунистического труда; списки подписывают директор, секретарь парткома и председатель профкома, заверяют их круглыми печатями, направляют в райком партии, оттуда передают в горком, из горкома — в обком, а уж из обкома в министерство торговли, и поступившие в республику ковры министерство распределяет по предприятиям и организациям. Раздавленный столь внушительным перечнем авторитетных инстанций, Булат тоскливо произнес:

— Ковер позарез мне нужен, что же делать? У вас никак нельзя приобрести?

— О чем ты говоришь — кому охота потерять работу?! Ты знаешь, сколько организаций контролируют списки? Райком, горком, обком, министерство торговли, курортторг, промторг, народный контроль, профсоюзы, милиция, прокуратура, комитет госбезопасности, директора заводов, парткомы, профкомы...

— Вот это да! Хватит, хватит, не перечисляй дальше, — Булат стал отмахиваться, будто от назойливой мухи.

Продавщица сжалась над ним:

— Один совет подам тебе. Правда, я не очень уверена, что из этого что-нибудь получится.

Глаза Булата блеснули.

— Если в министерстве торговли у тебя есть знакомый, то зайди к нему и попроси показать списки...

— Будь у меня знакомые в министерствах, я бы разве стал просить здесь у незнакомых людей?

Булат с поникшей головой собрался было отойти от прилавка, но продавщица — видать, сердобольная женщина — пожалела его:

— Или вот что я тебе посоветую...

Булат повернулся к ней и облокотился на рулоны тканей на прилавке.

— Походи по заводам. Хотя большинство из них военные, и вряд ли тебя пропустят на территорию. Но на «Электроцинк», «Победит», «Газоаппарат», вагоноремонтный можно пройти под предлогом поиска работы. В коридорах заводоуправлений обрати внимание на доски объявлений: на них висят списки очередников за коврами. В списках можно найти фамилии родственников или знакомых. Половина Осетии состоит в родстве друг с другом. Если окажется одна добрая душа, она поможет тебе.

Лицо Булата просветлело, он стал быстро перебирать в уме односельчан и знакомых, работающих на заводах. В спешке он не смог остановиться на ком-либо конкретно. Ну, ни чего, если даже он сам не знаком с человеком, то у кого-нибудь из знакомых наверняка найдется нужный человек. Но тут слова продавщицы снова повергли его в уныние:

— Хотя, не знаю, станет ли человек, несколько лет стоявший в очереди, просто так уступать его тебе. Даже если ковер и не нужен ему, он возьмет да продаст его за двойную цену на бесланском базаре.

При упоминании базара лицо Булата скривилось: видимо, там-таки придется покупать.

— Это самое... А цена у них какая бывает?

А за спиной продавщицы, словно дразня его, на развешенных коврах прикреплены квадратики бумаги, на которых четко обозначена цена товара.

— Цены разные: те, что поменьше — семьдесят шесть рублей; большие — сто пятьдесят. Есть и по триста два. Тебе настенный ковер нужен или для пола?

Большие черные глаза Булата злобно сверкнули: издевается над ним продавщица или всерьез спрашивает? Неужели на полу стелят ковры? Ведь ковер — это не циновка. На пол, говорит... Он еще раз подозрительно посмотрел на нее — не разыгрывает ли его?

— но на лице ее не читалось никакого подвоха, и Булат успокоился.

— Не буду ничего скрывать, ты сама хорошо знаешь наши обычаи: сестра у меня выходит замуж, вот я и думаю, что бы ей подарить?

— А-а, — понимающе протянула продавщица. — Легко ли нынче жениться или девушку замуж выдать? Каждый старается превзойти другого. Даже тот, кто от зарплаты до зарплаты копейки считает, старается не ударить лицом в грязь: а чем я хуже того или этого? Никому и дела нет, по карману ли тебе большие расходы или нет, все только и смотрят: а он что подарил? Если ковер окажется маленьким, то все об этом только и будут говорить...

Вот тебе, Булат, явный намек: можешь или нет, но придется тебе покупать большой ковер — двухмесячная зарплата. Сто пятьдесят рублей! А на что же тогда самому жить? Да и достанет ли он за сто пятьдесят — по магазинной цене? Говорит же продавщица, что на бесланском рынке они продаются по двойной цене.

В удрученном настроении вышел Булат из коврового магазина по Армянской улице. Надо спуститься к Тереку, может, под шум воды что-нибудь да придумается: не зря же все поэты любят гулять по набережной. Реке посвящены не только отдельные стихи, а целые книги: «Острова Терека», «Буйный Терек», «Волны Терека», «От Терека до Турции». И это только наши, осетинские авторы, а ведь вниз по течению живут кабардинцы, казаки, ногайцы, дагестанцы и другие народы, и у них поэты не хуже наших: кроме волн и островов они, наверное, еще что-нибудь другое да воспели у Терека.

В конце Армянской улицы Булат пересек трамвайную линию, дошел до улицы Чермена Баева и направился вниз, в сторону парка, к ступеням, ведущим к берегу реки. Едва он собрался свернуть к ступеням, как заметил Умара — в белой рубашке с короткими рукавами, заправленной в серые брюки, в легких сандалиях; большим клетчатым носовым платком обмахивается, словно веером, но его загорелый лоб все равно покрыт капельками пота.

Поздоровались за руки.

— Уф! — сказал Умар. — Какая жара.

— Да, лето в самом разгаре. А ты как думал? — нехотя ответил Булат.

Разговаривать сейчас ему совсем неохота, но и молчать нельзя.

— А я иду из обкома и оглядываюсь по сторонам: может, думаю, встречу кого-нибудь из знакомых, с кем бы выпить пива, а то одному неудобно; и как только увидел тебя издали, сразу же направился к тебе. Не подумай, будто я повторяю слова своего сослуживца Созура. Он постоянно рассказывает про своего покойного отца: выходил, говорит, на центральную улицу селения Црау, становился на перекрестке, особенно зимой, и, покручивая усы, ждал: может, появится какой-нибудь подмерзший в лесу дровосек с доверху нагруженной бестаркой, дабы пригласить его в дом согреться несколькими рюмками теплой араки. А сам Созур своей скупостью прославился на все три редакции, и как-то раз Дзибиш поймал его на слове. Когда он очередной раз услышал от Созура про подкручивающего в ожидании путника усы, так сразу же подколот его: «Странно, что от столь щедрого отца уродился такой скупердяй — ни разу на моей памяти не полез за бумажником. Или в кармане у тебя кобра приютилась? Ну что ж, завернем в павильон, говорят, туда с утра завезли чешское пиво.

— Честное слово... — Булат похлопал себя по карманам в надежде отделаться от него: то есть, кобры-то там нет, но они пустые.

— Ты думаешь, я на твой карман намекаю? — обиделся Умар и потянул его за рукав.

— Кроме осетинского пива я никакого другого не признаю.

Как-нибудь бы отделаться от него и погулять по набережной со своей нелегкой думой.

— Ничего страшного: я и сам любитель осетинского пива, но в такую жару можно и чешское выпить.

Булат понял, что от Умара ему никак не отвязаться, и нехотя пошел рядом с ним. Под шум водопадов, может, какая-нибудь дельная мысль и осенила бы его, или дошел бы он до «Электроцинка» и в слабоосвещенном прохладном коридоре административного корпуса просмотрел бы списки очередников.

Правый берег Терека от Чугунного моста в сторону парка расширяется наподобие островерхого треугольника. Поближе к его основанию, под тенью могучих столетних деревьев с недавних пор расположился дощатый пивной павильон, рядом с общественным туалетом. Весьма удачно выбранное место: когда пиво даст знать о себе, то далеко бегать не придется — пройди несколько шагов, сделай свое дело, возвращайся и снова пей в свое удовольствие. В павильоне душно, и потому каждый со своей кружкой выходит к стойкам под деревьями.

Люди у стоек толкуются группами и поодиночке. У одних кружки полные, у других — пустые или недопитые. С каждой партией пива чехи присылают высокие, изящные полулитровые бокалы-кружки. У нас пиво или даже водку могут налить в обычную банку из-под соленьев, и ничего — пьет народ, не жалуется. А для чехов посуда — дело престижа. За кружками — очередь, каждый из посетителей павильона делает по

крайней мере два захода.

— Ты займи место вот здесь, а я принесу пива, — Умар указал на свободную стойку. А сам пошел и встал в очередь. Булат тут же очутился рядом с ним.

— Почему оставил стойку — кто-нибудь займет ее.

— Мне вместо пива — лимонад или минералку, — робко попросил Булат.

— Дурной ты, что ли, — зачем тебе лимонад, когда есть пиво? Не каждый же день продают чешское пиво, к тому же, где ты видишь воду?

Вся очередь укоризненно посмотрела на Булата, будто он сотворил перед ними нечто неприличное, а продавщица от удивления даже забыла про кран, так что пена тут же залила прилавок, и, будто не веря своим ушам, переспросила:

— Он что, лимонад просит? — она оглядела очередь, ища у нее подтверждения своей догадке.

Хорошо, что Булат попросил не кефир.

Проклиная Умара с его пивом, он выбрался из павильона и занял место у стойки.

Прежде чем просить минералку, надо было осмотреть витрину, и тогда бы его не стали обсмеивать.

Через некоторое время и Умар вышел с двумя кружками пива в руках. Над бокалами высоко стоит шапка белоснежной пены. Солнечные лучи даже в тени насквозь просвечивают благородное богемское стекло — красивое зрелище!

Чокнулись, и Умар в один прием осушил кружку, по-детски слизнул с верхней губы пену, а Булат и до половины не смог выпить и поставил на стойку.

— Допивай и еще по кружке пропустим.

— О чем ты говоришь?! — ужаснулся Булат. — Это же моя месячная норма.

— Не нравится тебе?

— Ты понимаешь, не привык я к нему. Горечью слишком отдает.

— Это хорошо, что горечь чувствуется. В пиве должно быть достаточно хмеля, иначе что это за пиво? Пей давай.

— Нет, нет! — Булат прикрыл кружку рукой, будто дело происходит на свадьбе, и прислуживающий за столом Умар собрался долить ему силой.

— Может, тебе пиво подкрепить водкой? Вообще-то открыто ее не продают здесь, но продавщица моя знакомая и — нет проблемы.

— Что ты, что ты?! — Булат подскочил, словно ужаленный. — Водку я никогда не пью.

— Ты серьезно?

— Клянусь священным Кораном.

Как не поверить Умару, сыну муллы, столь истовой клятве?

— Рано или поздно ты к этому придешь, так, может, тебе сегодня и начать?

— Нет, нет, нет! Не настаивай, а то оставлю тебя одного.

— Ладно, я шучу. Я и сам даже через силу не смогу выпить в такую жару. Да и грех смешивать такое пиво с водкой.

— Сначала пиво показалось мне горьким, но теперь оно начинает нравиться.

— Так пей же до дна.

— Нет, я так не могу — разом.

Умар больше ничего не сказал, пошел в павильон и вернулся с полной кружкой.

— А еще одну я опрокинул у прилавка.

Булат ничего не сказал, но про себя усомнился: прихвастнул или правду говорит? Две кружки подряд — мыслимо ли такое?

Подняли бокалы, чокнулись. На этот раз Умар выпил только полкружки, Булат свою тоже опорожнил до половины.

Чокнулись еще раз и выпили до дна. Умар привык пить пиво в большом количестве, а его неопытный компаньон с одной кружки слегка захмелел, и когда Умар снова направился к павильону, Булат не стал останавливать его.

В конце концов получилось, как в притче про того муллу. Сын муллы увлекался спиртным и часто приходил домой под градусом. Отец всегда ругал его: «Как тебе не стыдно! Я пользуюсь уважением у всех, учу людей уму-разуму, а ты меня позоришь!» Может ли сын возразить отцу? Выслушивает молча упреки, уходит и снова возвращается пьяным.

«Тебе не стыдно каждый раз напиваться до такого состояния? И семья тебе уже не нужна, и совесть ты потерял». — «Ей-богу, отец, если ты выпьешь со мной одну рюмку, то я на целый год зарежусь от спиртного». Мулла в затруднении: с одной стороны, не к лицу ему пить, а с другой — сын на глазах пропадает. Ладно, единственную рюмку и Аллах ему простит, и люди не узнают, что он согрешил: не станет же сын раскрывать тайну отца. Зато сын целый год не будет пить, а через год и вовсе, может, не вспомнит о спиртном. «Ладно, наливай по одной». Выпили. Помолчали. Наконец, сын спросил: «Ну как, отец?» — «Наливай за второй год тоже».

Теперь и Булат не торопится, продлевает удовольствие. Под конец они заметно приободрились. Не зря сказано, что выпивка развязывает язык, и после второй кружки Булат неожиданно для себя поведал Умару свою заботу.

— За ковер переживаешь? Найдем.

Булат искоса посмотрел на него: стоит ли доверять обещаниям пьяного человека, ведь через час он забудет про свои слова. Постой, постой, он же совсем не похож на пьяного.

— Ты серьезно?

— Конечно, серьезно, а ты как думал? Когда-либо я тебя обманул?

— Ей-богу, никогда.

Булат прав: никогда, да и случай не представлялся. Они познакомились сравнительно недавно, и только сегодня между ними состоялся такой откровенный разговор.

— Где найдем? — спросил Булат, а сам испуганно затаил дыхание: наверное, назовет бесланский рынок.

— Скажу Харитону.

— А кто такой Харитон?

— Албегов.

— И ты поддался слухам? — разочарованно протянул Булат. — Откуда у Харитона ковры? Ну, было предположение, что свихнувшийся на кукурузе Хрущев во время приезда в Осетию обязательно навестит дом знаменитого кукурузовода, и, дабы оказать ему подобающий прием, наше руководство, мол, решило устлать коврами дорожку к воротам, весь двор, не говоря уже о комнатах и сараях, и по этому случаю Харитону завезли целый бортовой «Зил» ковров. Хрущев почему-то не заехал к Харитону, а он, конечно же, не дурак, ковры присвоил и потихоньку сторговывает их, судачат люди.

— Да нет, я не про него. У Албеговых есть еще один Харитон, работает директором Курортторга.

Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, они зашли к Умару на работу. Кабинет Умара был на четвертом этаже, в самом конце коридора, и представлял собой маленькую комнатку, в которой впритык уместились лишь книжный шкаф, письменный стол да два

стула; одну стену полностью занимает единственное окно, выходящее на двор. После полудня солнце — и летом, и зимой — до самого заката смотрит прямо в кабинет. Зимой-то солнце согревает, но с весны до осени после полудня в комнатке невозможно было находиться: с закрытым окном — настоящее пекло, с открытым — еще хуже: в закрытом с четырех сторон колодце двора от жары плавился асфальт, и его удушливый запах, не выветриваясь, оседал в комнате.

Умар набрал номер телефона. К счастью, Харитон оказался на месте.

— Добрый день, Харитон... Да, узнал меня... В такую жару тебе бы где-нибудь в ущелье у реки сидеть в тенечке. Да, да. Смотри, не ударь лицом в грязь... Это самое... Я вот зачем звоню: здесь один поэт ищет ковер. Да, он ему срочно нужен... Ну, пожалуйста. Да, да... Оставь у секретарши, сейчас он сам подойдет. Да, да... Большое спасибо.

Умар положил трубку и повернулся к Булату:

— Ты понял, о чем шел разговор? Он сам сейчас с московскими гостями едет в Кобань, но у секретарши оставит записку. С этой запиской пойдешь на базу и там тебе скажут, в каком магазине можно взять ковер. В Курортторге был когда-нибудь?

— Откуда?!

— Знаешь, где ресторан «Казбек»?

— А как же! На улице Ватутина. Мимо него я четыре года ходил в институт.

— На улице Ватутина находится «Кавказ», а «Казбек» — на углу Джанаева и Маркуса. Войдешь в дверь рядом со входом в ресторан, со стороны Маркуса, поднимешься на третий этаж и там уж найдешь приемную Харитона.

Булат все еще не верит, что вожденный ковер достанется ему так легко, но все же от души поблагодарил:

— Спасибо, Умар. Даже не знаю, чем оплачу твою великую услугу.

— Я тебе не за плату помогаю, но если ты горишь желанием отблагодарить, то выслушай меня внимательно. На свадьбу обычно с тремя пирогами приносят курицу, так что набирается их изрядное количество, а некоторые недоумки курицу-то и мясом даже не считают. Так вот: пусть главный распорядитель кладовой аккуратно завернет одну курицу в «Растдзинад»...

— Да что там курица — я тебе обещаю индюка!

— Индюшатина бывает слишком жирной, но курятина пойдет в самый раз. С курицей не помешало бы и бутылочку водки «Московской». Хотя водка — это уж слишком большие расходы, лучше я сам ее куплю.

— Ну что ты?! На свадьбе да не найдется бутылочка для тебя! Я уж постараюсь.

Может, Булат забыл, а может, просто пожадничал, но ни курочки, ни бутылки Умар от него не дождался...

— Ты, наверное, думаешь...

— Говори, в чем дело?

— Фотография мне нужна, и вот...

— Какая фотография?

— Моя фотография. Я поговорил с ребятами, и все в один голос сказали, что лучше Умара такую фотографию никто не снимет.

— Что за фотография? Где она тебе понадобилась? Обычно сделать срочно просят на паспорт или надгробие, но ты, слава Богу, умирать вроде бы еще не собираешься. Куда же она так срочно тебе понадобилась?

— Дело в том, что позвонили из музея Коста; там собираются развесить на стенах

фотографии осетинских писателей. Все советуют обратиться к тебе...

— В жизни не написал ни одной стихотворной строки, так для чего им тогда моя фотография?

— Да нет же! Говорят, что так хорошо, как ты, никто в Осетии не может фотографировать.

Умар никогда не был профессиональным фотографом: пока работал в районной газете, ему иногда приходилось снимать то доярок, то трактористов. Когда же он начал работать в «Растдзинаде», то обязанности фотографа ему уже не нужно было выполнять, но заряженный аппарат постоянно держал в ящике рабочего стола. Фотографировать-то он любил, но проявлять пленку и обрабатывать бумагу считал хлопотным занятием.

«Это он от скупости, — догадался Умар. — Ведь на проспекте несколько фотоателье; заплати рубль восемьдесят и получишь целых шесть карточек. Вот жадюга — решил сэкономить».

Да еще и про обещанную курочку вспомнил Умар.

— Не такой уж я мастер, как ты уверяешь, но кое в чем разбираюсь: в случае надобности мои фотокарточки получатся не хуже, чем у профессионалов.

— Ладно уж, не притворяйся бездарью — люди-то знают, какие фотографии получаются у Умара.

— Ей-богу, я не очень решаюсь для музея. Ты сам понимаешь: в Осетию откуда только не приезжают туристы, даже иностранцы. И куда их приглашают в первую очередь? Конечно же — в музей! По межгосударственным соглашениям о культурном обмене. Это придумано не мной и не тобой. Подобные вопросы связаны с международной политикой, особенно в наше непростое время. Честное слово, ты совершенно неожиданно поставил передо мной практически неразрешимую проблему. Я с трудом возьмусь за это дело, но если ты настаиваешь, то попробовать можно. Не то кто-нибудь скажет: вот видите, Умару жалко сделать для Осетии что-нибудь полезное. Чтобы избежать подобных подозрений, я готов пойти на все что угодно. Какого размера фотография нужна?

— Пстой: я посмотрю, у меня записано... Ну вот: двенадцать сантиметров в ширину и восемнадцать — в высоту.

— Понятно. Жду тебя завтра после обеда чисто побритым и аккуратно расчесанным. Насчет белой рубашки и черного костюма, думаю, подсказывать тебе не нужно. Не забудь также и красный галстук.

Почему именно красный — он и сам бы не смог объяснить, произнес машинально: ведь на черно-белой карточке и красный, и зеленый галстук будет одинаково темного цвета. На второй день с утра Умар не поленился обойти фотокорреспондентов всех трех редакций. У Мамонтова попросил аппарат «Киев», у Геора Казиева — «Зоркий», у Бернацкого — «Зенит». Кроме того на плече у Геора он увидел фотовспышку, стал кланчить, и тот согласился одолжить ее до вечера.

Он хотел еще встретить знакомого фотографа-любителя, каждодневно приносящего в редакцию дрянные снимки, прождал его до обеда, но тот как назло не появился. Не в меру растолстевший молодой гигант двухметрового роста, весит он никак не меньше десяти пудов, растительность на лице отсутствует, рубашка никогда, даже зимой, не заправлена в брюки, две верхние пуговицы ширинки постоянно расстегнуты. Ни сам фотограф, ни его аппарат Умару не нужны были, а только его штатив — он постоянно носил его на плече, как колхозник, который идет на скирдовку сена — вилы. Штатив бы

пригодился, но чего нет, того нет, радуйся тому, что есть: вместе со своим «Фэдом» — четыре фотоаппарата, да еще вспышка.

После обеда, когда солнце нещадно уставилось прямо в тесный кабинет Умара, появился и Булат. Свежевыбритый, по запаху одеколona можно догадаться, что он только что из парикмахерской; черный костюм, белая-белая нейлоновая рубашка — дефицитная вещь, видимо, ради такого торжественного случая одолженная у кого-то из друзей; воротник рубашки туго перехвачен красным галстуком — все наказы Умара выполнены; постарался он основательно, да и как было не стараться, если его портрет займет достойное место рядом с Коста, Сека, Арсеном — не говоря уже о ныне здравствующих лауреатах да народных поэтах. Еще основательней он, конечно же, подготовится для фотографии к своей первой книге.

Умар обычно весь день держит дверь кабинета открытой настежь, чтобы с полутемного коридора поступало хоть немного прохлады, но как только Булат пришел, он закрыл дверь:

— Всякие любопытные будут подсматривать.

С закрытой дверью комнатка в две минуты превратилась в мартеновскую печь.

Умару-то еще терпимо в рубашке навывпуск с короткими рукавами, но Булат моментально взопрел, пот течет с него градом, оставляя следы на лбу и за ушами.

Умар выдвинул верхний ящик стола и что-то там ищет с сосредоточенным выражением на лице. Булату не предлагают сесть, и он продолжает стоять.

Хозяин кабинета задвинул верхний ящик и выдвинул средний, продолжает что-то искать и не находит. Он задвинул средний ящик и выдвинул нижний. Ищет, что-то перебирает и снова не находит.

Булат достал из кармана брюк носовой платок и аккуратно вытер испарину. Щеки привыкли к частому бритью, и пот на них не чувствуется, а вот свежевыбритая шея зудит, хорошо бы почесать ее, но ему неудобно, и он терпит.

Умару тоже невыносимо жарко. Он стукнул себя ладонью по лбу:

— Я же совсем забыл! Думал, что он в столе, а оказывается, я его дома оставил.

— Ты о чем?

— О фильтре, о чем же еще? Пойду, спрошу у фотографов, может, кто-нибудь из них на месте.

Булат не знает, что такое фильтр, но спрашивать ему неловко: боится прослыть невеждой.

Умар вышел, покурив в прохладном коридоре и после этого еще некоторое время посидел у ребят в секретариате.

Когда он вернулся с пустыми руками, Булат спросил его:

— Не нашел?

— Откуда! Обошел все три редакции, но после полудня мало надежды найти кого-нибудь из фотографов. Ну ничего, сами что-нибудь да сообразим. Так какую фотографию просили принести?

— Которую повесят на стене в музее.

— Это я и сам понимаю, но стены в музее украшают разные фотографии, — Умар тянет время за разговором. — Ты и сам, наверное, обратил внимание: одно изображение — выше пояса, другое — выше плеч, а третье — в полный рост. Тебе какое больше нравится?

— Не знаю. Честно говоря, я об этом не подумал. Ты специалист, и какая карточка тебе

кажется лучше?

— По-моему, в полный рост. Но такая тебе не подойдет. Так фотографировались в давние времена, особенно царские офицеры, чтобы видно было и шашку, и револьвер, и кинжал. Так или нет?

Булат ничего не ответил, а только в знак согласия кивнул головой, и уже который раз вытер платком пот на лбу и затылке.

— Мне-то разницы нет: могу и в полный рост сфотографировать.

Булату вовсе не импонировала идея фотографироваться в полный рост без шашки и револьвера.

— Не надо. Лучше — от пояса или от плеч.

— Ну что ж, сделаем так, как тебе больше нравится.

До сегодняшнего дня Умар никогда не обратил внимания на его вздернутые ноздри, а уж на карточке они будут смотреться весьма эффектно, как два ствола двуствольного ружья, усмехнулся про себя Умар; человеку одного с ним роста ноздри Булата нацелены прямо под глаза, а тому, кто выше него — в грудь. Сфотографировать бы его снизу вверх, так вид ноздрей получился бы великолепный, но как назло он немного ниже ростом, чем Умар.

«Ладно, заставлю его стать на стул», — решил Умар.

— Начинаем? — спросил он Булата.

— Я готов. Зеркальце у тебя не найдется?

— Зачем мне зеркало, как какой-нибудь манекенщице? Ах да, в машинном бюро у девчат висит зеркало. Тебе принести или сам зайдешь к ним?

Булату, конечно, хотелось посмотреть в зеркало хотя бы краем глаза, но он знал, что у машинисток ему придется задержаться — обязательно полезут с ехидными расспросами о холостяцком житье-бытье — и сказал:

— Не надо, обойдусь.

К тому же, перед тем, как выйти из парикмахерской, он долго разглядывал себя в зеркало и никаких изъянов у себя не обнаружил.

С книжной полки Умар достал фотовспышку и направил ее на Булата, как будто при таком ярком солнце дополнительный свет был крайне необходим. Булат, видимо, принял лампу за фотоаппарат и уставился на нее. Мгновенная вспышка на некоторое время ослепила его.

— Работает, — удовлетворенно сказал Умар и повесил вспышку на левое плечо.

Они стоят по разные стороны стола. Умар достал из ящика стола мамонтовский «Киев», вытащил его из футляра, одним глазом прильнул к видоискателю, другой зажмурил и прицелился в Булата. Тот стоит с широко раскрытыми глазами и даже дыхание придержал. Целясь в Булата, Умар то приседает, то делает несколько коротких шагов в сторону окна, то — в сторону стола.

Булат стоит прямо, будто проглотил деревянный аршин, и лишь глаза поворачивает в сторону Умара.

— Смотри прямо перед собой, нужно будет повернуться — я сам тебе скажу.

Умар положил фотоаппарат на стол, подошел к Булату, двумя руками взялся за его голову, повернул ее чуть влево, а потом опять вправо.

— Стой вот так.

Он опять прицелился объективом, но на спуск не нажал — что-то ему не нравится, положил аппарат в футляр и повесил его на шею. Через стол дотянулся к Булату и еще

ту же затянул ему и без того плотно стянутый галстук — вены на шее у того заметно вздулись.

Еще два фотоаппарата достал он из ящика стола, обоими аппаратами с разных позиций долго целился в Булата, но затвор так и не спустил, а вместо того повесил их себе на шею: один — через правое плечо, другой — через левое.

Все тело Булата под нейлоновой рубашкой и шевиотовым костюмом покрылось липким потом, но он стойко переносит испытания.

— С близкого расстояния лучше всего снимать «Зенитом», — из нижнего ящика стола Умар достал четвертый аппарат.

Булат до сих пор терпел, но тут ему стало невмоготу и он робко попросил:

— Постой, я немного переведу дух.

— Пожалуйста, пожалуйста, я подожду, — Умар, словно средневековый палач, перед отсечением головы предлагающий приговоренному выпить по традиции стакан вина, милостиво дал ему возможность передохнуть.

Булат ослабил узел галстука, расстегнул пуговицы пиджака. Умар стоит и ждет с аппаратом наготове. Булат застегнул пиджак, еще раз вытер лицо и лоб; воротник заметно потемнел от пота.

— Затяни как следует галстук, не то шея у тебя смахивает на ишачий хвост.

Он снова нацелился. Нет, будет непростительной ошибкой упустить выразительный потенциал этих ноздрей: их обязательно нужно снять снизу.

— Встань на стул.

В другой ситуации Булат, возможно, поинтересовался бы, для чего нужно вставать на стул, но в фотоделе он совершенно не разбирается, вот и не задает лишних вопросов. Он нагнулся, чтобы снять туфли, но Умар остановил его:

— Не снимай, вот тебе газета.

Булат постелил на стул газету и встал на нее. Умар понимает его мучения, но не хочет просто так отпускать его, под разными предлогами тянет время. Булат, оказывается, стойкий парень: в такой одежде в такую духоту сам Умар давно бы упал в обморок.

— Смотри прямо, и пока затвор не щелкнет — не моргай, а то на карточке получатся закрытые глаза, — Умар снова нацелился. — Подбородок подними выше. Еще выше. Хорошо. Так. Думаешь, актрисы, портреты которых украшают обложки «Огонька» или «Смены», и наяву являются такими красавицами? Ничего подобного! Большинство из них похожи на пугала огородные, грудной ребенок примет их за ведьм и всю ночь ему будут сниться кошмары. Все зависит от фотографа. Тебе-то что: вся Осетия вряд ли кинется в музей только для того, чтобы посмотреть на твой портрет, но будет знать тебя прежде всего по твоим стихам. Если портрет не получится, то это будет моя вина, мой позор, и Осетия пусть лучше уж будет благодарна мне, как благодарит Садулла Джанаева за фотографии Коста. Не моргай, а то глаза получатся закрытыми. Думаешь, Коста просто так зашел к Садулле, тот нажал на затвор, и на этом дело сделано. Как бы не так! Ты, дорогой, видимо, никогда не фотографировал и не представляешь себе, сколько раз Садулла заставил Коста повернуться так и этак, поднять выше голову, посмотреть не в объектив, а вдаль, крепче сжать рукоять кинжала, пересесть на другое место, пока щелкнул аппарат. Ты не подумай, что я себя с Садуллой сравниваю. Хотя, если бы у меня тоже был штатив... Сколько раз сказал тебе: не моргай! Без штатива, ты даже не представляешь, до чего трудно снимать. Понимаешь, когда после работы я пропускаю с друзьями двести-триста грамм, то на второй день у меня руки заметно дрожат. Тем

более когда пьешь без курятины, с одними помидорами или репчатым луком... Щелчок...

Булат, конечно же, понял намек; он вспомнил о своем обещании, но промолчал.

— Не шевелись. Еще раз.

Щелчок. Шелест пленки. Щелчок.

— Все!

— Уф-уф-уф! — Булат слез со стула.

Снял пиджак, кинул его на спинку стула, на котором стоял, с остервенением сорвал галстук и в скомканном виде затолкал его в карман пиджака, расстегнул пуговицы рубашки до самого пояса; рубашка промокла насквозь — прямо хоть выжимай. Взял со стула газету и машет ею, словно веером.

Умар снял с плеч фотоаппараты и убрал их в ящик стола; сам он тоже изрядно пропотел и вытер носовым платком лицо и шею.

— Когда к тебе зайти? — вежливо спросил Булат.

То есть, когда будут готовы карточки?

Но Умар и не собирался возиться с пленкой, реактивами да бумагой; поработал он сегодня потехи ради. Проявить же пленку и отпечатать карточки он попросит кого-нибудь из фотокоров; изготовят — хорошо, а нет — так он найдет массу отговорок, скажет, что лаборатории и нужных реактивов у него нет; в конце концов направит Булата к кому-нибудь из тех же фотокоров и пусть сам с ними договаривается. А тем неудобно брать у поэта копейки и станут отфутболивать друг к другу, ссылаясь на вечную занятость, и тогда Булату придется идти туда, куда ему с самого начала и следовало обращаться — в одно из фотоателье.

Если бы кто-нибудь другой попросил Умара, он бы расшибся, но фотокарточки изготовил бы обязательно; а вот скупых людей он не переваривает, и если они от него вовремя не отстанут, то он их, как сам выражается — подоит: там, где нужно было заплатить рубль, они заплатят червонец.

— Когда изготовлю — я сам тебе позвоню.

— Дуня сказала: до двадцатого августа.

— Что за Дуня?

— Джикаева Дуня, директор музея.

— До двадцатого числа еще больше недели.

А за неделю он придумает уйму причин, да и музей вполне обойдется без портрета Булата.

Умар совсем уж и забыл об обещании, данном Булату, но вспомнил о нем через несколько дней: когда подошла его очередь дежурить в типографии, то в одной из заметок он прочитал, что музей Коста из Осетинской церкви переводят в другое, более просторное помещение. Наутро он позвал к себе рассылную редакцию:

— Вот тебе бумага и карандаш. Садись и пиши: «Я сотрудница музея Коста.

Сегодняшний «Растдзинад» читал? Пишут о нашем музее — скоро ему предоставят новое помещение, целый дворец. Наш директор поручила мне обзвонить всех писателей и передать им: фотокарточки, которые мы недавно попросили принести, для нового помещения не подойдут, они слишком малы и не будут смотреться. Вместо них нужно принести фото форматом шестьдесят на девяносто сантиметров». Написала? Прочитай несколько раз, чтобы не запинаясь. Вот тебе номер телефона, позвони при мне, попроси Булата и передай ему записанное.

Рассыльная, застенчивая девчушка, учится в институте, и чтобы поднакопить себе на какую-нибудь обновку, на летние каникулы устроилась сюда на временную работу, в редакции она всех стесняется, вот и не спрашивает Умара, почему он сам не позвонит. Как только она положила трубку, тут же раздался звонок:

— Слушаю вас.

— Это Булат.

— Привет, Булат. Как поживаешь?

— Спасибо, нормально. Я по поводу той фотокарточки.

— Ей-богу, был все эти дни занят по горло, не сегодня-завтра...

— Вот и хорошо, что до сих пор не сделал.

— Что это значит? Она не нужна больше?

— Как не нужна?! Вот только фотобумагу ты бы зря израсходовал.

И здесь он о расходах говорит — ну и скряга же.

— Почему так?

— Только что мне звонили из музея и сказали, что переезжают в новое здание, и нужна большая фотография размером шестьдесят на девяносто сантиметров.

— Правильно сказали. Пусть народ видит своих писателей крупным планом, а то среди посетителей музея бывают и косоглазые, и близорукие. Если смотреть на фотографии, то невозможно бывает определить, который из писателей Сека, а который Арсен — оба бородатые старики. Ты же и сам замечаешь, что многие носят очки. Но разговор не о них, а о том, что среди посетителей музея из высокогорных сел Дигорского ущелья кто-нибудь может оказаться кривым. А в магазин оптики несколько раз нужно прийти, пока тебе изготовят пару очков. Так жалко же того кривого дигорца, который придет в музей и не разглядит самый важный портрет... Да, но это будет очень большая фотография — почти метр в высоту. Бумаги такого формата ни у кого из редакционных фотографов не найдется.

— Как же тогда быть?

До чего сильно ему хочется взглянуть на свой портрет в музее!

— Поищи в магазинах, другого выхода нет. Ты мне только принеси бумагу, а остальное я сделаю, как следует.

Умар со спокойной совестью отвязался от Булата: продавцы магазинов в один голос ответят ему, что такого формата бумагу они не то что никогда не видели, но даже и не слышали о ней. Ну, это уж не Умара вина.

Но Умар просчитался. На третий день Булат пришел к нему с плотным желтым рулоном, похожим на медную трубу для перегонки араки. С самодовольным видом он положил рулон на стол:

— Вот!

— Что это? — Умар поднял аккуратно запакованный, тяжелый, как свинец, рулон.

— Фотобумага.

На полоске белой бумаги, наклеенной на рулон, написано: «Техническая фотобумага. Матовая. 100x400 см».

— Никогда еще не видел такую, — признался Умар, пробуя рулон на вес. — Где ты ее достал?

— Честное слово, обошел все магазины города, и везде услышал один и тот же ответ: никогда не слышали о таком формате. Хорошо, что вчера навестил сестру, разговорились, и я ей сказал, что ищу такую бумагу и не могу ее найти. Она мне сказала:

зря не ищи, такая бумага бывает только у нас. Она работает в проектно-институте. Говорю: вам-то она зачем — фотографировать вашего директора и парторга? Она посмеялась над моей наивностью и сказала, что чертежи проектов даже серийных пятиэтажных домов размножаются в сотнях экземпляров. Если выполнять эту работу вручную, то на нее уйдут года, и потому чертежи размножаются путем фотокопирования.

Умар неожиданно для себя так загорелся, что оставил недописанным срочный материал. Он взял у Казиева Геора ключи от фотолаборатории, и вместе с Булатом они спустились на первый этаж.

Совершенно темная комната без окон. Умар включил свет. Пол гладко выложен метлахской плиткой. В дальнем углу водопроводный кран с раковиной. Посреди комнаты — широкий неприбранный стол, на нем — два светильника. На длинных стеллажах вдоль стен — разные коробки, банки, колбы, ванночки и глубокие чашки. А еще больше — пустых бутылок из-под пива, крепленого вина и водки; видно, после рабочего дня в этом укромном месте часто бывают застоля. Свободные стены комнаты Геор украсил наиболее удачными своими работами и вырезанными из иллюстрированных журналов портретами киноактрис и модельерш.

Умар включил красный фонарь, наподобие того, который бывает у путевых обходчиков железной дороги, выключил верхний свет и начал колдовать с какими-то коробками и порошками: заливает в чашки воду, смотрит на секундную стрелку часов, выливает жидкость в раковину и снова заливает воду.

Наконец он достал пленку, подержал ее, чтобы стекла вода, включил верхнюю лампу и поднес пленку к ее свету.

— Пленка получилась великолепная. Мамонтов и Казиев считают себя мастерами своего дела, но если бы Умар занялся фотографированием, то быстро бы оттеснил этих мастеров!

Он включил электроплиту на столе, и чтобы пленка быстрее высохла, подержал ее над раскаленной спиралью. Пленку вставил в проектор, снова выключил верхнюю лампу и при тусклом свете фонаря сдвинул вещи на край стола, аккуратно вытер его тряпочкой и расстелил на нем белую бумагу.

— Видишь, как контрастно получилось?

Булат стал рядом с ним и с любопытством смотрит на пленку.

Умар что, помешался, что ли: как фотографию можно назвать хорошей, если волосы, брови, зрачки глаз, галстук и костюм получились белыми-белыми, а щеки, лоб и сорочка — черными-пречерными. Особенно ему не понравилась черная сорочка, а костюм похож на белый халат, который в больницах накидывают на плечи посетителей поверх одежды.

— Она испортилась, что ли? На мне же была белая рубашка, — настороженно произнес Булат.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Умар. — Ты же совсем не разбираешься в фотоделе. Это же негатив, понимаешь — негатив, то есть, изображение наоборот: белый цвет представлен черным, а черный — белым.

Он покрутил колесико на боку проектора — кадр то уменьшается, то увеличивается.

— Нет, не достанет.

Передвинул проектор на край стола, свет от него направил на пол. Изображение увеличилось в несколько раз, но Умару и этого недостаточно. И тут он сообразил: луч

надо направить на стену!

— Ей-богу, не метр, а даже два метра высотой можно сделать фотографию. Изображение и в самом деле заняло полстены. Если бы он знал, что Булат достанет бумагу такого формата, то сказал бы рассылной, чтоб заказала фотографию высотой в два метра. Увы...

— Давай, поднимем стол и поставим поближе к стене. Еще ближе. Хорошо, сейчас измерим.

Он что-то стал искать в комнате. Из-за боязни снова прослыть невеждой Булат не решается спросить его, что он ищет, а только несколько раз повторил про себя слово «негатив», чтобы не забыть его.

— Что за народ — даже сантиметровой линейки нет у них! Ладно, измерим газетой. Какова высота газетного листа? Пятьдесят девять сантиметров. Как раз на сантиметр меньше требуемого формата. В музее тоже не микрометром станут измерять, погрешность на сантиметр-другой допустима.

«Негатив. Микрометр. Микроскоп». Булат вспомнил название прибора, на который похож предмет, с которым сейчас возится Умар: как раз на тот микроскоп, который был у них в школе.

— А в какой посуде мы станем проявлять ее? — спрашивает Умар. — Они, конечно же, никогда не проявляли фотографию подобного формата, и откуда у них может взяться такая посуда?

Умар в раздумье постоял посреди комнаты и наконец удовлетворенно произнес:

— А-га!

Среди барахла, валявшегося под полками, оказался дерюжный мешок. Умар бросил его в ведро и сказал Булату:

— Чем стоять без дела, лучше помоги мне. Вот отсюда и досюда подмети пол и вымой его до блеска.

Казиев никому не доверял свои ключи, а потому техничка в его лаборатории не убирала. Не убирал комнату и сам хозяин, лишь изредка наспех подметал ее. Булат закатал рукава, и для того, чтобы пол действительно заблестел, ему пришлось несколько раз поменять воду в ведре.

— Хорошо, достаточно. Только смотри, не ступай там, где помыл.

Умар развернул рулон, отмерил газетой, сколько надо, и с помощью Булата отрезал бумагу тупым бритвенным лезвием «Нева», остаток рулона аккуратно свернул, положил в чехол и заклеил так, чтобы свет не проникал к нему.

Дерюгу, которой Булат помыл пол, нельзя будет окунуть в ванну с реактивом и провести ею по бумаге — чувствительный слой поцарапается. За неимением другой ткани он снял с вешалки полосатую ситцевую рубашку, в которую Георг, видимо, переодевался в лаборатории. Из-за той же опасности поцарапать бумагу пуговицы рубашки пришлось срезать.

Умар еще раз ополоснул ведро, развел в нем реактив и бросил туда рубашку.

Все готово к священнодействию. Бумагу укрепил на стене кнопками, направил на нее проектор и через пару-другую секунд выключил его. Снял со стены бумагу и расстелил ее на чисто вымытом участке пола.

— Дай мне четыре бутылки из-под вина.

Поставил бутылки на четыре угла бумаги так, чтобы она не сворачивалась. Сидя на корточках, сказал Булату:

— Ведро тоже подай.

Умар вынул из ведра мокрую рубашку, положил ее на середину бумаги, протер бумагу во все стороны так, чтобы она равномерно пропиталась раствором, и немного подождал. При тусклом красном свете, падавшем со стола, на бумаге прежде всего проявилась двустволка ноздрей, направленная прямо в переносицу Умара. Он не смог сдержать смех, и со стороны можно было подумать, что радуется своему мастерству.

— А еще недруги говорят, что Умар не умеет фотографировать. Типун на язык тем, кто так говорит!

Булат тоже присел на корточки напротив него и с интересом смотрит на бумагу.

— Ха! — не сдержался он и близко наклонился к бумаге, будто хочет обнюхать ее.

После ноздрей проявились брови, глаза, полностью лицо, уши, грудь.

Умар еще несколько раз окунул рубашку в ведро и осторожно протер ею бумагу; снял бутылки, чтобы на фотографии не остались их следы, и поставил их в стороне; влажная бумага лежит на полу, словно приклеенная.

— Пусть полежит так.

Сдвинул проектор в сторону, освободил половину стола и положил на него стекло для просушки фотографий. Одного листа стекла оказалось недостаточно, хорошо, что рядом с краном к стене прислонен второй лист. Он положил рядом оба листа и они заняли большую часть стола.

— Достаточно.

Умар наполнил ведро чистой водой и несколько раз обильно полил ее расстеленную на полу уже готовую фотографию.

— Ты держи с другой стороны, и под краном тоже сполоснем, а то на ней останутся следы реактива, и под воздействием дневного света появятся бурые пятна.

Основательно промыли фотографию с лицевой и оборотной сторон.

— Ну, теперь все. Подержи так, пусть вода стечет.

Они положили фото на стекла на столе, и Умар включил верхний свет.

— Давай, Булат, оценивай работу.

— Еу-Богу, ты настоящий мастер. Люди зря не станут говорить, и сам я убедился воочию.

Булат не притворяется, он искренен в своем восхищении. Правда, ноздри на фото кажутся ему великоватыми, но в этом Умар неповинен, он и сам знает, что они у него такие от рождения.

— Ну что, налюбовался на себя? Тогда перевернем его и до завтра высохнет.

— А это самое... Над плиткой нельзя высушить?

— О чем ты говоришь! Формат слишком большой, и моя великолепная работа пойдет насмарку — фото растрескается. Пусть лежит, и когда высохнет, то само отстанет от стекла. Оставим на ночь, и завтра в это же время заберешь его.

На другое утро Умар разыскал завхоза редакции:

— Старина, у тебя не найдется рамки, в которую помещают портреты вождей?

— Сколько хочешь. Пойдем и сам выберешь, какую тебе надо.

Они спустились в подвал. Завхоз сдернул с какого-то вороха брезент:

— Иди, выбирай.

Под брезентом оказались портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и членов Политбюро разных времен в рамках, окрашенных потускневшей бронзовой и алюминиевой краской. Одни рамки — застекленные, другие — без стекла, одни —

больше, другие — меньше.

— Ты их так надежно спрятал, будто ждешь, когда вновь настанут их времена.

— Не исключено, что их времена вновь настанут, — философски заметил завхоз и добавил: — Пусть лежат себе: ни обеда, ни ужина они не требуют.

Умар перебрал рамки в поисках подходящей.

— Видишь, старина, какая несправедливость у нас издавна: фотографии Ленина и Сталина все под стеклом, то есть со стекла легче вычистить следы мух, а остальные обойдутся даже в том случае, если мухи им прямо губы обгадят.

Он принес к себе в кабинет самую большую рамку, окрашенную бронзовой краской, снял портрет Ильича и вместо него вставил фото Булата; по ширине оно оказалось в самый раз, но в высоту не вмещалось; со вздохом сожаления пришлось обрезать его сантиметров на десять.

Высоко на стене напротив стола Умара торчит шляпка гвоздя-сотки; в свое время на нем наверняка висел портрет кого-то из вождей; шляпка почти утонула в слоях побелки; гвоздь, видимо, заколочен так, что его невозможно вытащить, или же маляр специально оставляет на тот случай, если на него снова придется вешать чей-то портрет. Умар придвинул стол к стене, встал на него и повесил на гвоздь портрет Булата. Своей работой он доволен: хорошо будет смотреться в музее, тем более в такой богатой рамке. Вот только тот, кто внимательней присмотрится к нему, сразу же отпрянет назад, испугавшись, что из двуствольных ноздрей дуплетом вылетят жаканы двенадцатого калибра, с которыми идут на медведя.

Около полудня пришел Булат. Он обвел взглядом стол, подоконник, книжный шкаф, но то, что надеялся увидеть, не заметил нигде. Умар притворился, будто не заметил его взгляда, и усердно что-то пишет.

— До сих пор не высохла, что ли?

Умар встал и подтолкнул Булата к столу:

— Взгляни вот туда.

Булат еще в лаборатории обрадовался при виде мокрой фотографии, ну, а теперь, видя ее висящей высоко на стене в дорогой рамке, да еще под стеклом, он удивленно уставился на нее и после некоторого замешательства произнес:

— Вот это да! Честное слово, люди тебя не зря называли большим мастером.

— Не такой уж большой мастер, но фотографирую не хуже кое-кого, — скромно ответил Умар, намекая на газетных фотокоров.

— А я говорю — большой мастер! Вот только один недостаток у нас, осетин: не можем мы по достоинству оценить своих выдающихся людей.

Поди узнай, к кому относятся его слова: к Умару или к нему самому, а, может, к обоим. Они пододвинули стол к стене, Умар встал на него, снял портрет и завернул его в несколько газет.

— Сейчас я попрошу у девчат нитки и перевяжем его, а то газеты развернутся.

Подмышку портрет не умещается, Булат поставил его на плечо и вышел на улицу.

Редакция «Растдзинада» размещается в самом большом здании в центре города. Не только летом, но и зимой после обеденного перерыва работники редакции, особенно молодежь с неохотой возвращаются в кабинеты; вот и сейчас Булат их встретил стоящими группой у входа. Историю портрета они знали в мельчайших деталях: Умару хоть язык отрежь, он бы все равно рассказал эту эпопею, разумеется, приукрасив ее. Вот и сегодня до прихода Булата он пригласил их к себе, и они от души посмеялись над

его озорной выходкой.

Заметив Булата выходящим из здания, они, как по команде, замолчали и с любопытством уставились на него. Он на ходу поздоровался с ними и пошел своей дорогой.

— Что, Булат, стекольщиком стал работать? — бросил кто-то ему вдогонку.

— Ничего остроумней придумать нельзя, — пробурчал Булат не оборачиваясь.

А вот и улица Коста Хетагурова. Булат поднялся по ступеням церкви и только собрался открыть высоченную дверь, как она без скрипа отворилась и оттуда выбежал загорелый мальчуган лет десяти в майке и шортиках, и едва не столкнулся с Булатом. Мальчик тут же побежал обратно, сообщая, видимо, долгожданную весть:

— Мама! Мама! Стекольщик пришел!

«Чтоб вы все сдохли со своим стекольщиком», — проклял про себя Булат и редакционных остряков, и мальчугана, снял рамку с плеча и вошел в прохладу собора.

В дальнем углу за пустым столом сидят несколько женщин. Булат от двери поздоровался, подошел к ним и осторожно положил обернутый в газеты бесценный груз на стол.

— Вот, принес.

Женщины молча переглянулись.

— Что это? — кивнула на сверток коротко стриженная блондинка.

— Мой портрет.

Женщины снова в недоумении переглянулись. Рыженькая поднялась с места, разорвала нитки и развернула сверток. Все уставились на рамку, потом одновременно взглянули на Булата, словно сверяя портрет с оригиналом.

— Ты издеваешься над нами или с ума сошел, — зачем притащил такую большую фотографию? — удивленно спросила блондинка.

— Вы же сами сказали, что нужна фотография размером шестьдесят на девяносто сантиметров, — недовольно ответил Булат.

— Унеси ее обратно, унеси быстрее! — блондинка принялась сноровисто заворачивать портрет в газеты, будто опасаясь, что кроме них еще кто-то может его увидеть. —

Поиздевался над тобой кто-то: даже портрета Коста у нас нет такого формата.

Через несколько дней Булат на бульваре повстречал Умара, остановился и, не поздоровавшись, укоризненно сказал:

— Ей-богу, Умар, если даже ты способен на подобные вещи, то я уже и не знаю, кому доверять.

Опубликовано - Владикавказ: Ир, 2002.

